

Визуальные образы памяти
в стихотворениях Ю. Левитанского
«Воспоминание о цветных стеклах»
и «Воспоминание о красном снеге»

Виктория Я. Малкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, poetika@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются два стихотворения Ю.Д. Левитанского из его книги стихов «Кинематограф» (1970): «Воспоминание о цветных стеклах» и «Воспоминание о красном снеге». Цель статьи: исследование способов визуальной репрезентации памяти в лирических текстах. Для этого анализируется субъектная структура, пространство и время, а также звуковые и визуальные образы, в том числе цветные. Кроме того, стихотворения соотносятся между собой. В итоге делаются выводы о специфике визуальных образов памяти в данных стихотворениях.

Ключевые слова: Левитанский, память в литературе, визуальное в лирике, лирический сюжет, лирический субъект

Для цитирования: Малкина В.Я. Визуальные образы памяти в стихотворениях Ю. Левитанского «Воспоминание о цветных стеклах» и «Воспоминание о красном снеге» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 111–120. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-111-120

Visual images of memory in the poems of Yu. Levitansky
“Remembrance of Colored Glass”
and “Remembrance of Red Snow”

Victoria Ya. Malkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
poetika@gmail.com*

Abstract. The paper considers two poems by Y.D. Levitansky from his book “Cinematography” (1970): “Remembrance of Colored Glass” and “Remembrance of Red Snow”. The paper is aimed at studying methods of visual

representation of memory in lyrical texts. To that end it analyses the subjective structure, space and time, as well as sound and visual images, including color. In addition, the poems are related to each other. As a result, conclusions are made about the specificity of the visual image of memory in those poems.

Keywords: Levitansky, memory in literature, visual in lyrics, lyrical plot, lyrical subject

For citation: Malkina, V.Ya. (2024), "Visual images of memory in the poems of Yu. Levitansky 'Remembrance of Colored Glass' and 'Remembrance of Red Snow' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 111–120, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-111-120

Статья отчасти является развитием и продолжением нашей предыдущей работы, посвященной визуальным образам памяти в стихотворениях Ю. Левитанского из его книги «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981) [Малкина 2023]. Мы рассмотрим два стихотворения из более ранней книги стихов Ю. Левитанского – «Кинематограф» (1970).

«Кинематограф» – книга стихов, в которой мотивы памяти и визуальные образы тесно связаны между собой и во многом составляют основу сюжета. Как писал А.Н. Черняков, здесь присутствует «иконический по своей природе эффект монтажных склеек, подобие развивающихся параллельно сюжетных линий, единство которых создает сюжетный каркас текста книги как единого целого» [Черняков 2018, с. 103]. Одна из сюжетных линий, безусловно, связано с памятью: десять стихотворений (и еще два, не вошедших в редакцию 1970 г.) называются «Воспоминанье о...», составляя, таким образом, своего рода мини-цикл в составе книги (важно, что эти тексты не идут подряд):

- Воспоминанье об оранжевых абажурах
- Воспоминанье о дороге
- Воспоминанье о Марусе
- Воспоминанье о красном снеге
- Воспоминанье о Нибелунгах
- Воспоминанье о дождевых каплях
- Воспоминанье о скрипке
- Воспоминанье о шарманке
- Воспоминанье о санках
- Воспоминанье о цветных стеклах
<не включенные в сб. 1970 г.>
- Воспоминанье о костеле
- Воспоминанье о куске сала

Из этих двенадцати стихотворений мы выбираем два, связанных общими визуальными образами: «Воспоминанье о красном снеге» и «Воспоминанье о цветных стеклах». Цель статьи: ответить на вопрос, каким образом осуществляется визуальная репрезентация памяти в данных стихотворениях. Поскольку память сама по себе – понятие абстрактное, она может быть отображена в тексте только при помощи различных образов, для которых, в свою очередь, требуется воображение. Связь памяти (как личной, так и коллективной) с воображением отмечалась разными исследователями в разных областях: и психологами, и социологами, и историками, например, М. Хальбваксом [Хальбвакс 2007], Л. Выготским [Выготский 2005], П. Рикёром [Рикёр 2004], М. Хирш [Хирш 2021] и др. Память, как известно, дискретна и фрагментарна – и то, чего ей не хватает, дорисовывается воображением [Память 2023]. Когда речь идет о лирическом стихотворении, то цепочку можно схематично представить таким образом: память лирического субъекта – его воображение, которое перекодирует абстрактную память в конкретные образы – воображение читателя, который воспринимает эти образы, – память читателя, которая активизируется при помощи воображаемых образов. Одним из способов такой активизации памяти и воображения читателя может выступать визуальная образность, что мы и рассмотрим на примере двух выбранных стихотворений.

В книге стихов оба стихотворения идут не подряд: «Воспоминанье о красном снеге» примерно в середине (двадцатое из 50), а «Воспоминанье о цветных стеклах» в конце (третье от конца). Основание для сравнения дает не только слово «воспоминанье», но и указание на цвет в заголовке, что сразу соединяет память и визуальное. Кроме этого, в обоих стихотворениях есть общие образы и мотивы, связывающие их фактически в единый текст: сон, веранда с красными стеклами, красные помидоры, золотые шары, стук пролетки по булыжной мостовой. Это дает основания рассматривать стихотворения в сопоставлении друг с другом.

Начнем с субъектной структуры. «Воспоминание о красном снеге»¹ начинается с личного местоимения первого лица, и оно активно присутствует в первой части стихотворения. Лирический субъект оказывается и субъектом действия, и центром картины мира: «я лежал», «не знал, что я замерзаю», «у моего лица», «подо

¹ *Левитанский Ю.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н.Л. Елисеева. СПб.: Пушкинский Дом: Вита Нова, 2021. С. 186. (Новая библиотека поэта)

В дальнейшем текст стихотворения цитируется по данному изданию.

мною», «я уже засыпал». Но вот после дважды повторенного «засыпал» личные местоимения исчезают, как будто «я» субъекта растворяется (исчезает) во сне-воспоминании.

«Воспоминание о цветных стеклах»² строится зеркальным образом: в первой половине стихотворений личные местоимения первого лица отсутствуют, есть только «кто-то», и только потом «я» постепенно проявляется, сначала неопределенно («может быть, я»), а потом уже совершенно точно: «Ну конечно, это я уезжаю» и «куда мне уже не вернуться». То есть здесь мы видим процесс проявления, постепенного конструирования я, осознание лирическим субъектом себя как «я», выплывающим из смутности первых детских воспоминаний.

Обратим внимание, что изменение субъектной структуры связано не только со сном, который в этот момент начинается в обоих стихотворениях («засыпал», «засыпая»), но и с изменением времени. В «Воспоминании о цветных стеклах» – с прошлого на настоящее: «кто-то уехал» / «я уезжаю», которое в последней строке переходит в единственный раз встречающееся будущее, хоть и выраженное инфинитивной конструкцией: «куда мне уже не вернуться». Причастия, связанные с пролеткой, также на самом деле относятся к прошлому (в английском языке это было бы время *past continuous*). В «Воспоминаниях о красном снеге» у нас есть только прошедшее время (см. глаголы: *лежал; не знал, что я замерзаю; поскрипывали; горела; засыпал* и др.). Это подчеркивается троекратным повтором глагола «был (было)»: «небо было красным», «снег был красным», «было тепло». При этом к концу стихотворения, когда субъект обращается мыслями к прошлому («возвращаясь в детство»), то есть как раз и должно было бы акцентироваться прошлое время, глаголы в принципе исчезают. Таким образом, у нас появляется вневременное пространство сновидения, которое оставляет только визуальные и звуковые образы.

В начале стихотворения звуковой образ также присутствует, но другой – скрип лыж («лыжи идущих мимо / поскрипывали»). Мы понимаем, что звук этот глухой и достаточно тихий, в отличие от главного звукового образа обоих стихотворений, которым является звук пролетки и цоканье копыт по булыжной мостовой. В «Воспоминаниях о цветных стеклах» он упоминается трижды в том или ином виде. Пролетка сначала приближается («звук

² Левитанский Ю. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н.Л. Елисеева. СПб.: Пушкинский Дом: Вита Нова, 2021. С. 216. (Новая библиотека поэта)

В дальнейшем текст стихотворения цитируется по данному изданию.

приближающейся пролетки / по булыжной мостовой»), затем удаляется, и здесь описание наиболее подробно: «звук удаляющейся пролетки, / цоканье лошадиных подков / по квадратикам звонких булыжин», и в конце, когда начинается сон («засыпая под звук пролетки»). Обратим внимание, что само слово «звук» повторяется также трижды, что этот звук наделяет своими свойствами окружающее пространство («звонкие булыжины»), а также что подчеркивается направление движения, а следовательно, динамика звука: в воображении мы слышим звук в первом случае усиливающийся (поскольку он приближается), а во втором – ослабевающий, т. е. он отдаляется.

В «Воспоминаниях о красном снеге» этот звук встречается дважды, и мы видим прямые текстуальные совпадения («под стук пролетки / по булыжнику мостовой», «звук пролетки, / цоканье лошадиных подков / по квадратикам / красных булыжин»). Однако здесь нет динамики, само слово «звук» возникает только один раз (сначала он обозначен как стук), и возникает звук только во второй части, когда уже начинается сон-воспоминание. В конце, как мы видим, звук начинает сочетаться не только с очертаниями (это было и в другом стихотворении), но и с цветом («по квадратикам / красных булыжин»), то есть пространство окрашивается не звуком, а цветом.

Цвет вообще имеет большое значение в обоих стихотворениях. В «Воспоминаниях о красном снеге» преобладающий и почти единственный цвет – это красный. Белый присутствует имплицитно только потому, что четырежды (если считать заглавие) упоминается снег. Красный же упоминается шесть раз: *красный снег* (в заглавии), *красное небо*, *застекленная красным веранда*, *красные помидоры* и *красные булыжины*. Кроме этого, есть еще образ огня («горела деревня») и (в сравнении) поле маков, которые также вызывают в воображении красный цвет. При этом слово «кровь» не упоминается ни разу, хотя, конечно, мы сразу понимаем, что если небо было красным от огня, то снег – именно от крови.

В качестве отступления заметим, что образ красных маков, соотносимых с красной кровью, получил большую известность. Во-первых, вспомним стихотворение “In Flanders Fields” («На полях Фландрии», 1915), написанное во время Первой мировой войны Джоном Маккреем (John McCrae) и давшее начало традиции Remembrance poppy в Британском содружестве. Во-вторых, еще более известна польская песня “Czerwone maki na Monte Cassino” («Красные маки на Монте-Касино») поэта Феликса Конарского (Feliks Konarski) и композитора Альфреда Шюца (Alfred Schütz), созданная во время Второй мировой войны. И если по поводу сти-

хотворения Дж. Маккрея сведений нет, то песню «Червоны маки на Монте-Кассино» Ю. Левитанский мог знать: она исполняется в фильме Анджела Вайды «Пепел и алмаз» (1958), который недолго, но шел в СССР в кинотеатрах в 1965 г. Кроме того, ее точно знали многие современники Левитанского: так, она упоминается у И. Бродского в стихотворении 1960 г. «Песенка» («Помнят только вершины / Да цветущие маки, / Что на Монте-Кассино / это были поляки»³) и А. Галича в «Балладе о вечном огне» (1968): «“Маки, маки на Монте-Кассино!” / Как мы падали в эти маки!», « “Маки, маки на Монте-Кассино” / Ах, как вы почернели, маки!...»⁴ В общем, это тема для отдельного исследования, но факт, что в европейской культуре XX в. мак связан с войной и кровью, можно считать вполне установленным.

Возвращаясь к «Воспоминанию о красном снеге», добавим, что во второй части красный уже вроде бы не связан с огнем и кровью (*стекло, помидоры, бульжины*), но в силу контекстуальной близости – кажется таковым, тем более что образы даны через восприятие субъекта, в измененном сознании которого, по сути, весь мир окрашивается красным, то есть кровью. Единственный другой цвет, который упоминается в стихотворении, это золотой – «золотые шары у крылечка», то есть у нас появляется второй цветок (в реальности цветок желтый), как будто противопоставленный красным макам, а золотой цвет, соответственно, – красному.

Во втором стихотворении цветов гораздо больше. Название («Воспоминанье о цветных стеклах») уже предполагает разноцветность. Слово «цветной» также трижды встречается в основном тексте, дважды – применительно к стеклам веранды, и один раз – к воспоминанию. Из конкретных цветов, кроме золотого («золотые шары у крылечка» встречаются в обоих стихотворениях), по три раза упоминаются желтый, зеленый и красный цвета, а также светофор, который их соединяет. Кроме светофора, красный тут связан с теми же образами, что и в первом стихотворении, – помидорами в тарелке и верандой, но тут она уже застеклена не только красными, но и зелеными и желтыми стеклами: «цветная веранда, / застекленная красным, / зеленым и желтым, / красные помидоры в тарелке». Зелеными также оказываются скорлупки орехов, а желтым – запах йода, что создает синестетический образ: «орехи в зеленых скорлупках / с желтым запахом йода» (кстати, в первом

³ Бродский И.А. Сочинения: В 4 т. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1992. С. 49.

⁴ Галич А. Песня об Отчем Доме: стихи и песни с нотным приложением / Сост., подгот. текста А.Н. Костромина. М.: Локид-Пресс, 2003. С. 253.

стихотворении обонятельных образов нет, зато есть осязательные, причем противоположные и даже противоречащие друг другу – «замерзаю» и «было тепло»). Если в «Воспоминаниях о красном снеге» мир воспринимался лирическим субъектом (или был окрашен) красным цветом крови и зарева пожара, то здесь субъект буквально смотрит на него через цветные стекла веранды, в конце превращающиеся в мигающие разноцветные сигналы светофора на перекрестке, который оказывается одновременно пересечением времени и пространства: «и только цветная веранда / мигает вдали / красным, зеленым и желтым, / игрушечным светофором / на том перекрестке, / куда мне уже не вернуться».

И то, и другое определяется по отношению к лирическому субъекту: вначале он на веранде, видит то, что внутри (тарелку с помидорами и луком), звуки пролетки приближаются, он оказывается снаружи и видит цветы у крыльца, звуки пролетки отдаляются – но оказывается, что субъект находится в ней, так что отдаляется он от террасы вместе с уходом детства, куда он уже не может вернуться. Пространство строится, как мы видим, по горизонтали, и в какой-то момент сливается со временем: «цветная веранда / мигает вдали» не только в пространстве, но и во времени. Перекресток оказывается той точкой, из которой субъект как бы оглядывается назад, на пройденный путь – буквальный и метафорический, возврата к которому нет, поскольку время повернуть обратно невозможно.

В «Воспоминаниях о красном снеге» пространство строится по вертикали, причем в обе стороны, и вверх, и вниз. Точкой отсчета опять-таки служит положение субъекта: в первой части стихотворения он лежит на снегу и видит то, что над ним, – небо, и то, что под ним, – снег. Динамики, движения тут нет, если не считать лыж, проходящих мимо. Зато есть динамика во времени – «возвращаясь в детство». Во второй части все меняется, потому что субъект переносится в реальность сновидения. Интересно, что, хотя стихотворение называется «воспоминанье», слов *память* или *помнить* там нет, зато есть дважды повторенное «заснул», четко отделяющее границу яви – настоящего, где субъект лежит на снегу, – и сна. С учетом, что он замерзает, а потом ему становится тепло, и снег под ним красный от крови – понятно, что это сон-смерть, и в предсмертном воспоминании он возвращается к началу – к детству, которое оказывается окрашено все в тот же красный цвет.

Во втором стихотворении слово «воспоминание» есть не только в заглавии, но и в первой строке («первое воспоминание / самое первое / цветное»), причем оно так же окрашено в разные цвета, как и веранда. Однако и сон тут тоже есть, и сочетание этих двух

реальностей делает гораздо более зыбкой границу между ними: является ли сон частью воспоминания, или воспоминание переходит в сон, снится ли лирическому субъекту, что он уезжает – или он вспоминает об отъезде? То есть в первом стихотворении границы между реальностями четкие, а во втором – размытые.

С другой стороны, в «Воспоминанье о цветных стеклах» память приводится в движение осознанно или, во всяком случае, рефлексировуется («первое воспоминание, / самое первое»). В «Воспоминанье о красном снеге» мы имеем дело с измененным состоянием сознания и неосознанным воспоминанием, побуждением к которому становится осязательное ощущение тепла, связывающее прошлое и настоящее («было тепло на этом снегу / как в детстве / под одеялом»). В обоих случаях в художественной реальности стихотворения присутствует воображаемый мир, сон и воспоминание, но в первом случае есть еще и болезненное (от раны и холода) состояние субъекта.

Если по двум этим текстам мы будем восстанавливать биографию лирического героя цикла, то с точки зрения фабулы сначала должно было быть стихотворение «Воспоминание о цветных стеклах», поскольку там речь идет о раннем детстве и первых воспоминаниях, а в «Воспоминанье о красном снеге» – о войне и, видимо, смерти: из всего детского светофора остался гореть только красный свет. Но в сборнике стихотворения идут наоборот, и речь идет не о построении автобиографии, а о воспоминаниях – а они, как мы понимаем, могут возникать в любом порядке и не привязаны к хронологии. Повторим, что стихотворения в книге идут не подряд, так что, с одной стороны, читать их как единый текст не совсем корректно. С другой стороны, дословные текстуальные повторения провоцируют именно на это, так что все же рискнем сделать это в качестве выводов.

Итак, в «Воспоминанье о красном снеге» лирический субъект лежит на снегу и умирает от холода и ранения. Мир окрашен красным от пожара и крови, и в последний момент тепло от окровавленного снега (и, видимо, от иллюзии, так бывает при смерти от холода) вызывает в памяти ассоциацию с тем, как тепло было в детстве под одеялом, и начинается воспоминание-сон-галлюцинация о том, как он возвращается в детство «под стук пролетки по булыжнику мостовой». Появляются главные детские воспоминания, четкие, предметные, звуковые и окрашенные в яркие цвета: красные помидоры, золотые шары, квадратики булыжников, которые тоже вдруг становятся красными – и на этом все заканчивается.

«Воспоминанье о цветных стеклах» словно проясняет и дополняет первое стихотворение. Мы начинаем понимать, почему в

предсмертный момент лирический субъект вспоминает именно такие образы: это его первое детское воспоминание. И в то же время понимаем разницу, потому что само воспоминание яркое и разноцветное, а перед смертью остается только красный цвет. Во втором стихотворении воспоминание описывается более подробно, но в то же время размываются границы между воспоминанием и сном. В любом случае, в конце лирический субъект оказывается дистанцирован и от образов, и от времени, и от пространства детства, оказываясь на перекрестке, откуда нельзя вернуться назад – и вроде бы из первого стихотворения мы уже знаем, почему. С другой стороны, именно там он и возвращается в детство, вновь оказываясь на той самой застекленной веранде, с красными помидорами на тарелке и золотыми шарами у крыльца. Но, увы, вернуться в детство можно, только умерев.

Таким образом, память в обоих стихотворениях сочетается с воображением и со сновидением. Ее фрагментарность компенсируется запечатлевшимися предметными деталями, четкостью очертаний, звонкостью звуков и яркостью цветов, при помощи которых лирический субъект показывает нам образы собственной памяти, актуализируя наше воображение и визуальные образы в нем.

Литература

- Выготский 2005 – *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. 1136 с. (Библиотека всемирной психологии)
- Малкина 2023 – *Малкина В.Я.* Визуальные образы памяти в стихотворениях Ю. Левитанского «Ну что с того, что я там был» и «Память» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. С. 52–61.
- Память 2023 – Память как история и воображение / Сост., ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. 332 с.
- Рикёр 2004 – *Рикёр П.* Память, история, забвение: пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. (Французская философия XX в.)
- Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр., вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Хирш 2021 – *Хирш М.* Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое изд-во, 2021. 428 с.
- Черняков 2018 – *Черняков А.Н.* «Кинематограф» Ю. Левитанского: (лингво)поэтика фрагмента // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 2. Ч. 1. С. 100–110.

References

- Chernyakov, A.N. (2018), "Yu. Levitansky's 'Cinematograph'. (Linguo-)Poetics of the fragment", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 1, pp. 100–110.
- Halbwachs, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Hirsch, M. (2021), *Pokolenie postpamyati: pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The generation of postmemory. Writing and visual culture after the Holocaust], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Malkina, V.Ya., Korchinskii, A.V. and Lavlinskii, S.P., ed. (2023), *Pamyat' kak istoriya i voobrazhenie* [Memory as history and imagination], Editus, Moscow, Russia.
- Malkina, V.Ya. (2023), "Visual images of memory in the poems of Yu. Levitansky 'So what if I was there...' and 'Memory' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 52–61.
- Ricœur, P. (2004), *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting], Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, Moscow, Russia. (*Frantsuzskaya filosofiya XX veka*)
- Vygotsky, L.S. (2005), *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [The psychology of human development], Smysl, Eksmo, Moscow, Russia. (*Biblioteka vsemirnoi psikhologii*)

Информация об авторе

Виктория Я. Малкина, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; poetika@gmail.com

Information about the author

Victoria Ya. Malkina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; poetika@gmail.com